

Дмитрий Фурман
Первый шаг к реальной демократии

Режим Шеварднадзе пал в результате ноябрьской «революции роз», значение которой громадно не только для истории Грузии. Фактически — это первый случай падения режима «безальтернативной» президентской власти на пространстве СНГ, первое свидетельство того, что такие режимы не только не вечны, но и обречены.

Режимы безальтернативной президентской власти, добивающиеся этой безальтернативности методами в диапазоне от террора до махинаций с избирательными бюллетенями, возникли или с самого начала, или после недолгого периода «демократического хаоса» на всей территории бывшего СССР, кроме стран Балтии и Молдовы. Их культурной и социально-психологической основой везде является неготовность большинства народов СССР к демократии и правовому обществу, легкость, с которой они в условиях свободы переходят к анархии и затем, чтобы избавиться от этой анархии, жертвуют и свободой. Аналогией им вне постсоветского пространства являются многочисленные режимы стран бывшего «третьего мира», прежде всего — арабского мира и стран Африки. Эти политические системы всегда и везде естественным образом сопряжены с коррупцией и социальной политикой, следствием которой являются обогащение немногочисленной правящей верхушки и обнищание народных масс. Везде они становятся все более ригидны, утрачивают «обратные связи» с обществом, где постепенно вызревают силы, которым рамки эти режимов становятся все более тесны.

Режим Шеварднадзе, возникший после хаоса недолгого периода правления Гамсахурдиа и гражданской войны и «из» этого хаоса, был, возможно, самым либеральным из режимов этого рода. И сам Шеварднадзе, как он доказал это прежде всего своим уходом, не добровольным, но и без попыток удержаться у власти любой ценой, был далеко не худшим постсоветским президентом. Тем не менее типологически его режим принадлежал к тому же «классу». Безальтернативность Шеварднадзе достигалась не террором, как безальтернативность Ниязова в Туркменистане, а прежде всего многочисленными махинациями на выборах, превратившимися в издевательство над самой идеей выборов и неизменно дававшими желаемый для правителя результат. Оппозиция в этой ситуации была лишена возможности прийти к власти нормальным демократическим путем, и перед ней было лишь два пути — или признать свое бессилие и сойти с политической сцены, как сошли с такой сцены оппозиционные партии в России, Казахстане, Узбекистане, или — перейти к внепарламентским действиям. Если режим таков, что ротация власти в нем невозможна, это не значит, что ротации не будет, но это значит, что она произойдет революционным путем. Грузия и осуществила первую (но не последнюю) на постсоветском пространстве антиавторитарную революцию, слава богу, бескровную.

Нет никакого сомнения, что эта революция была поддержана подавляющим большинством народа и мотивация ее была демократической и правовой. Грузины вообще, очевидно, являются плохим «человеческим материалом» для построения авторитарной системы — им свойственны громадный индивидуализм и обостренное чувство чести, делающие для стремящихся к авторитарной безальтернативной власти правителей задачу подчинения грузинского народа очень трудной. Грузинская культура при всем своем своеобразии ориентирована на Запад, на европейские образцы, что также мешает восприятию авторитарной власти как естественной, традиционной (как она воспринимается в России и странах Центральной Азии). В начале 90-х грузинский

индивидуализм способствовал тому, что Грузия быстрее и «прочнее» других постсоветских стран погрузилась в анархию, из которой ее извлек ценой установления своей «безальтернативности» Шеварднадзе. Но революция 2003 года показала, как изменилось за десять лет грузинское общество, как оно научилось направлять свои индивидуалистические и «анархические» импульсы в правовые, демократические и мирные формы. В 1993 году грузины просто взяли за оружие и пошли свергать совершенно легитимного, но утратившего популярность президента. Никто тогда не думал ни о праве, ни о Конституции, ни о демократических выборах. В 2003 году за оружие вообще не хваталось и главным требованием было требование восстановления законности, честных выборов. Народы развиваются и учатся на своем горьком опыте, и грузины учатся быстро.

Но хотя мотивация революции 2003 года, несомненно, была демократической и правовой, это еще не гарантия того, что отныне в Грузии установилась демократия. Более того, некоторые факты вызывают определенную тревогу.

Для установления демократического строя нужно не просто свержение авторитарного режима. Во многих странах третьего мира авторитарные режимы свергались и новые правители через некоторое время создавали точно такой же авторитарный режим. Более того, недостаточно, чтобы к власти пришли люди, использующие лозунги демократии или даже искренне приверженные демократии. Нужно, чтобы у победителей была оппозиция, не фиктивная, а реальная, стремящаяся к власти, но также принимающая основные демократические и правовые ценности. Чтобы и власть, и оппозиция были готовы соблюдать демократические «правила игры». Чтобы группа, пришедшая к власти, не пыталась в дальнейшем удержаться любой ценой и была готова уйти в случае своего проигрыша оппозиции на честных выборах. Если приложить все это к грузинской ситуации, это значит — нужно, чтобы Саакашвили не пытался в будущем обуздывать своих политических противников неправовыми методами, чтобы он был психологически готов к тому, что и в нем народ через какое-то время разочаруется и «устанет» от него, как он устал от Шеварднадзе, что и ему придется уйти и испытать всю боль поражения и утраты власти и народной любви.

Я уверен, что 95 процентов голосовавших за Саакашвили на выборах — цифра, достигнутая «честным» путем. Она возникла из-за реальной любви к нему грузин и полной растерянности и деморализованности его противников. Но это — «плохая», «опасная» цифра. 60 процентов было бы значительно лучше. Удержаться на этом пике невозможно. Дальше движение может быть только вниз. Если молодой грузинский президент не просто заурядный властолюбец и честолюбец, ему придется бороться не только с противниками, которые сейчас притихли, но неизбежно скоро поднимут голову или возникнут из числа его теперешних соратников. Ему придется, что значительно более трудно, бороться с друзьями, которые будут подталкивать его ни в коем случае не отдавать власть, закрепиться у власти любой ценой (как всегда — «во имя спасения Родины, чтобы не отдавать ее в руки негодяев и предателей» и т.д.). Ему придется бороться с теми, кто даже не по его приказу, а совершенно добровольно будут пытаться подделать результаты будущих выборов в его пользу или затыкать рот СМИ, «поливающим грязью» их любимого президента. И самое трудное — ему придется бороться со своими собственными естественными импульсами. Задача, стоящая перед Саакашвили, — не повторить пути Шеварднадзе. И это — задача колоссальной трудности, требующая незаурядных качеств и значительно большего мужества и мудрости, чем для того, чтобы свергнуть шеварднадзевский режим. 95 процентов — не самые хорошие «начальные условия» для решения такой задачи молодым, энергичным и честолюбивым человеком.

Победа ноябрьской революции — это только первый шаг Грузии к реальной демократии, и, может быть, даже не самый трудный. Главные трудности (и для грузинского народа, и для новой грузинской власти) — впереди, когда кончится очередная эйфория и вновь придет очередное разочарование. Но различия событий 1993 и 2003 годов, быстрота и направленность изменений грузинского общества дают основание надеяться, что оно с этими трудностями справится.